



Click

<https://vk.com/intelligenceperson>

Айзек Азимов

Двухсотлетний человек

1

- Благодарю вас, - сказал Эндрю Мартин и сел на предложенный стул. Он не выглядел как человек, доведенный до последней черты, но дело обстояло именно так.

На его лице не читалось никаких особенных эмоций, лишь спокойное безразличие, разве что в глазах угадывалась печаль. У него были гладкие черные волосы, довольно густые, на коже лица волос не было совсем. Он выглядел недавно и тщательно выбритым. Одежда была явно старомодной, но аккуратной, в ней преобладал бархатистый красновато-пурпурный оттенок.

Хирург сидел за столом лицом к нему, и именная табличка на столе содержала полностью идентифицирующую его серию букв и цифр, на которую

Эндрю не обратил внимания. Вполне достаточно называть его "доктор".

- Когда может быть выполнена операция, доктор? - спросил он.

Хирург ответил мягко, с той явно отчуждающей ноткой уважения, которую всегда применяли роботы, обращаясь к людям:

- Я не совсем уверен, сэр, что понял, как и на ком должна быть выполнена подобная операция.

Тут на лице хирурга могло бы появиться выражение почтительной непреклонности, если бы роботы его типа, сделанные из нержавеющей стали с оттенком бронзы, могли менять выражение лица.

Эндрю Мартин разглядывал правую, режущую руку робота, которая совершенно неподвижно лежала на столе. Пальцы были длинные и столь артистически изогнутые, что легко было представить, как они держат скальпель, который на время становился с ними единым целым.

В его работе не будет неуверенности, колебаний, дрожи пальцев, не будет ошибок. Это, разумеется, приходит со специализацией, которую человечество желало столь упорно, что лишь немногие роботы теперь снабжались независимым мозгом. Хирург, разумеется, должен иметь такой мозг. И все же этот робот, несмотря на мозг, настолько ограничен в своих способностях, что не узнал Эндрю - вероятно, он и не слышал о нем.

- Тебе никогда не хотелось стать человеком? - спросил Эндрю.

Хирург на мгновение помедлил с ответом, словно вопрос затерялся в его

позитронных схемах.

- Но я робот, сэр.

- Не лучше ли было бы быть человеком?

- Лучше, сэр, было бы стать более опытным хирургом. Я не могу стать таким, будучи человеком, зато могу стать более усовершенствованным роботом. Мне было бы приятно стать более усовершенствованным роботом.

- А тебя не оскорбляет, что я могу тебе приказывать? Что я могу заставить тебя встать, сесть, пойти направо или налево просто велю тебе так сделать?

- Мне нравится выполнять ваши пожелания, сэр. Если ваши приказы помешают моему функционированию по отношению к вам или любому другому человеку, я не стану их выполнять. Первый закон, касающийся моих обязанностей по отношению к человеческой безопасности, станет преобладать над вторым законом, связанным с подчинением. В любом другом случае подчинение доставляет мне удовольствие... Но на ком я должен провести операцию?

- На мне, - сказал Эндрю.

- Но это невозможно. Операция явно нанесет вам вред.

- Это не имеет значения, - спокойно произнес Эндрю.

- Я не должен никому наносить вреда, - сказал хирург.

- Не должен по отношению к человеку, - сказал Эндрю. - Но я тоже робот.

2

Эндрю выглядел гораздо больше похожим на робота, когда был впервые... сделан. Внешне он был таким же роботом, как и любой другой, изящно сконструирован и функционален.

Он хорошо справлялся со своими обязанностями в доме, в который был привезен в те дни, когда роботы в домашнем хозяйстве, да и вообще на планете, были редкостью.

В доме жили четверо: Сэр, Мэм, Мисс и Маленькая Мисс. Конечно, он знал их имена, но никогда их не употреблял. Сэра звали Джеральд Мартин.

Его серийный номер был NDR..., а цифры он забыл. Конечно, прошло много времени, но если бы он хотел помнить свой номер, то не смог бы его забыть. Он не хотел помнить.

Маленькая Мисс первой назвала его Эндрю, потому что не могла выговаривать все буквы. А затем так стали поступать и остальные.

Маленькая Мисс... Она прожила девяносто лет и давно уже мертва.

Однажды он попытался назвать ее Мэм, но она не позволила. Она так и осталась Маленькой Мисс до своего последнего дня.

Эндрю должен был выполнять обязанности дворецкого, камердинера и горничной. Это были испытательные дни для него, и, в общем-то, для всех роботов, не занятых на заводах и исследовательских станциях Земли.

Мартинам он очень нравился, и половину времени он не был в состоянии заниматься работой, потому что Мисс и Маленькая Мисс хотели с ним играть.

Мисс первая поняла, как это можно устроить. Она сказала ему:

- Мы приказываем тебе играть с нами, и ты должен выполнять приказ.

- Мне очень жаль, Мисс, но я уже получил от Сэра более ранний приказ, который, несомненно, должен иметь преимущество.

- Папа всего лишь сказал, что надеется, что ты займешься уборкой, - возразила она. - Это вовсе не приказ. А я тебе п_р_и_к_а_з_ы_в_а_ю.

Сэр не возражал. Сэр любил Мисс и Маленькую Мисс даже больше, чем сама Мэм, и Эндрю их тоже любил. По крайней мере эффект, который они оказывали на его действия, был таким же, какой в случае человека был бы назван результатом любви. Эндрю думал об этом, как о любви, потому что не знал, как это назвать по-другому.

Именно для Маленькой Мисс Эндрю вырезал деревянный кулон. Она приказала ему его сделать. Мисс подарили на день рождения кулон из слоновой кости, украшенный резьбой, а Маленькую Мисс это по-женски расстроило. У нее был только кусочек дерева, который она дала Эндрю вместе с маленьким кухонным ножиком.

Он сделал его быстро, и Маленькая Мисс сказала:

- Он такой красивый, Эндрю. Я покажу его папе.

Сэр не поверил ни единому ее слову. "Скажи честно, где ты его взяла, Мэнди?" Он так называл Маленькую Мисс - Мэнди. Когда Маленькая Мисс завила его, что говорит правду, он повернулся к Эндрю:

- Это сделал ты, Эндрю?

- Да, сэр.

- И форму тоже сам придумал?

- Да, сэр.

- С какого образца ты его скопировал?

- Это то геометрическое воплощение, сэр, которое подходит к структуре древесины.

На следующий день Сэр принес ему другой кусок дерева, побольше, и электрический вибронож.

- Сделай из него что-нибудь, Эндрю, - сказал он. - То, что тебе захочется.

Эндрю начал делать, а Сэр смотреть, и потом долго разглядывал то, что получилось. С тех пор Эндрю больше не прислуживал за столом. Вместо этого ему было приказано читать книги по мебельному дизайну, и он научился делать столики и шкафчики.

- Ты делаешь великолепные вещи, Эндрю, - сказал Сэр.
- Я наслаждаюсь, когда делаю их, сэр, - ответил Эндрю.
- Наслаждаешься?

- Это заставляет токи в моем мозге каким-то образом проходить по путям с меньшим сопротивлением. Я слышал, как вы употребляете слово "наслаждаться", и обстоятельства его использования совпадают с тем, что я испытываю. Я наслаждаюсь, когда делаю их, сэр.

3

Джеральд Мартин отвез Эндрю в региональный офис "Ю.С.Роботс энд Мекэникл Мэн Корпорейшн". Как член региональной легислатуры, он безо всяких проблем попал на прием к главному робопсихологу. Более того, он стал владельцем робота именно потому, что был членом региональной легислатуры - в те давние времена, когда роботы были редки.

Тогда Эндрю еще ничего не понимал, но позднее, приобретя более глубокие познания, смог заново вспомнить ту давнюю сцену и понять ее истинное значение.

Робопсихолог, Мертон Мански, слушал с застывшей на лице улыбкой и неоднократно пытался удержать свои пальцы от постукивания по крышке стола. Невыразительные черты лица и покрытый морщинами лоб придавали ему такой вид, словно он мог быть моложе, чем выглядел.

- Роботехника не является точным искусством, мистер Мартин, - сказал он. - Я не могу объяснить все в деталях, но математика, при помощи которой создаются позитронные схемы, слишком сложна, чтобы выдавать что-либо точнее, чем приблизительные решения. Это естественно, потому что мы все создаем на основе трех законов, которые неоспоримы. Мы, конечно, заменим вашего робота...

- Ни в коем случае, - сказал Сэр. - В его исправности не имеется никаких сомнений. Он прекрасно справляется с обязанностями, для которых предназначен. Дело в том, что кроме всего этого он еще и вырезает из дерева изысканные вещицы, и никогда не повторяется. Он создает произведения искусства.

Мански смутился.

- Странно. Конечно, сейчас мы создаем уже более усредненные схемы... Так вы считаете, что он действительно творит?

- Посмотрите сами. - Сэр протянул ему небольшой деревянный шар, на котором были вырезаны играющие мальчики и девочки, такие маленькие, что их с трудом можно было различить, но тем не менее фигурки были

пропорциональны и так естественно подходили к структуре древесины, что она тоже казалась вырезанной.

- Это сделал он? - спросил Мански. - Он протянул шар обратно и покачал головой. - Ему выпал счастливый жребий. Что-то проявилось в его схеме.

- Вы можете это повторить?

- Вероятно, нет. Ни о чем похожем нам не сообщали.

- Прекрасно! Я совершенно не против, если Эндрю так и останется неповторимым.

- Мне кажется, - сказал Мански, - что компании захочется вернуть вашего робота для исследования.

- Ни за что, - сказал Сэр с внезапной непреклонностью. - Забудьте об этом. - Он повернулся к Эндрю. - А теперь пойдём домой.

- Как пожелаете, сэр, - ответил Эндрю.

4

Мисс начала назначать свидания мальчикам и мало бывала дома. Теперь уже Маленькая Мисс, уже не такая маленькая, как раньше, заполняла заботы Эндрю. Она не забывала, что первую свою вещицу Эндрю вырезал для нее, и носила ее на шее на серебряной цепочке.

Ей первой не понравилось, что Сэр просто раздает поделки Эндрю.

- Послушай, папа, - сказала она, - если они кому-то нужны, то пусть за них платят. Они того стоят.

- Ты вроде бы никогда не была жадной, Мэнди, - сказал Сэр.

- Я думаю не о нас, папа. О художнике.

Эндрю раньше не слышал этого слова, и когда у него выдалась свободная минутка, он заглянул в словарь. Потом была еще одна поездка к юристу Сэра.

- Что ты об этом скажешь, Джон? - спросил у него Сэр.

Юриста звали Джон Фейнголд. У него были седые волосы и округлый живот, а ободки контактных линз подкрашены в яркий зеленый цвет. Он посмотрел на маленькую брошь, которую ему дал Сэр.

- Великолепная вещица... но я уже в курсе. Это вырезает твой робот. Тот, с которым ты приехал.

- Да, их вырезает Эндрю. Верно, Эндрю?

- Да, сэр, - отозвался Эндрю.

- Сколько ты бы за нее заплатил, Джон? - спросил Сэр.

- Трудно сказать. Я не коллекционер.

- Можешь ли ты поверить, что мне предлагали двести пятьдесят долларов за эту маленькую штучку? Эндрю сделал стулья, которые я продал по пятьсот

долларов каждый. Его изделия увеличили мой счет в банке на двести тысяч.

- Черт побери, он же делает тебя богачом, Джеральд!

- Наполовину богачом, - возразил Сэр. - Половина этих денег лежит на счету на имя Эндрю Мартина.

- Робота?

- Вот именно. И мне хотелось бы знать, законно ли это.

- Законно ли? - Фейнголд откинулся на спинку заскрипевшего стула. - Таких прецедентов не было, Джеральд. А каким образом твой робот подписывал нужные бумаги?

- Он может написать свое имя, и я принес в банк подписанные им бумаги. Сам он там не был. Надо ли сделать что-либо еще?

- Гм. - Фейнголд ненадолго задумался, потом сказал. - Хорошо, мы можем оформить доверенность на управление всей суммой от его имени, и это создаст изолирующий слой между ним и враждебным миром. Кроме того, я не советую тебе ничего предпринимать. Пока что тебя никто не останавливал. Если кто-то станет возражать, то пусть _о_н_и_ подают в суд.

- А ты возьмешь такое дело, если будет подан иск?

- Конечно. Но за вознаграждение.

- За сколько?

- За что-нибудь вроде этого, - и Фейнголд показал на деревянную брошь.

- Достаточно честно, - сказал Сэр.

Фейнголд повернулся к роботу и усмехнулся.

- Эндрю, тебе нравится, что у тебя есть деньги?

- Да, сэр.

- И что ты собираешься с ними делать?

- Платить за те вещи, сэр, за которые иначе должен был заплатить Сэр.

Это уменьшит его расходы, сэр.

5

Такие случаи возникали. Замена деталей стоила дорого, а технические осмотры еще дороже. С годами создавались новые модели роботов, и Сэр следил за тем, чтобы Эндрю пользовался преимуществами каждого нового приспособления, пока тот не стал образцом металлического совершенства. За все платил Эндрю.

Он настоял на этом.

Лишь его позитронный мозг остался неприкосновенным. На этом настоял Сэр.

- Новые роботы не так хороши как ты, Эндрю, - сказал он. - Они

бесполезны. Компания научилась более точно создавать их мозг, ограничившись узкими задачами и целями. Новые роботы негибкие. Они выполняют то, для чего созданы, и ни на шаг в сторону. Ты мне больше нравишься.

- Спасибо, сэр.

- И это твоя заслуга, Эндрю, не забывай об этом. Я уверен, что Мански положил конец созданию неспециализированных схем, как только хорошенько к тебе пригляделся. Ему не нравится непредсказуемость... Знаешь, сколько раз он просил разрешить забрать тебя на исследование? Девять раз! Однако я ему этого не позволил, и теперь, когда он на пенсии, мы можем жить спокойно.

И вот волосы Сэра становились все реже и светлее, кожа на лице дряблой, а Эндрю выглядел гораздо лучше чем тогда, когда впервые появился в семье.

Мэм уехала в колонию художников где-то в Европе, а Мисс стала поэтессой в Нью-Йорке. Иногда она писала письма, но редко. Маленькая Мисс вышла замуж и жила неподалеку. Она сказала, что не хочет покидать Эндрю, и когда родился ее ребенок, Маленький Сэр, она разрешила Эндрю держать бутылочку и кормить его.

После рождения внука, решил Эндрю, у Сэра есть кем заменить того, кто уйдет. И не будет нечестным обратиться к нему с просьбой.

- Сэр, - сказал Эндрю, - вы были очень добры, позволяя мне тратить деньги так, как я хотел.

- Это были твои деньги, Эндрю.

- Они были моими только по вашей воле, сэр. Не думаю, что закон запретил бы вам истратить их все.

- Закон не может заставить меня поступить нечестно, Эндрю.

- За вычетом всех расходов и налогов, сэр, у меня есть почти шестьсот тысяч долларов.

- Я знаю это, Эндрю.

- Я хочу отдать их вам, сэр.

- Я не возьму их, Эндрю.

- В обмен на то, что вы можете дать мне, сэр.

- Вот как? И что же это, Эндрю?

- Моя свобода, сэр.

- Твоя...

- Я хочу купить свою свободу, сэр.

Все оказалось вовсе непросто. Сэр рассердился, произнес "боже мой!",

повернулся и ушел.

И опять именно Маленькая Мисс привела его в себя, резко и решительно - и при Эндрю. Все тридцать лет никто не стеснялся говорить в присутствии Эндрю, касалось ли дело его самого, или нет, Он был всего лишь робот.

- Папа, - сказала она, - почему ты воспринимаешь его слова как личное оскорбление? Он же все равно останется здесь. Он будет так же послушен. Он не может вести себя по-другому. Он так сделан. Все, чего он хочет - лишь слова. Он хочет называться свободным. Что здесь такого ужасного? Разве он не заслужил этого? Господи, да мы с ним об этом уже годами говорим.

- Годами говорите?

- Да, и он снова и снова откладывал этот разговор, потому что боялся, что тебе будет больно это слышать. Я з_а_с_т_а_в_и_л_а его высказаться.

- Он не знает, что такое свобода. Он робот.

- Папа, ты его не знаешь. Он прочитал все книги в библиотеке. Не знаю, что он чувствует, но не знаю и того, что чувствуешь т ы. Когда с ним говоришь, он реагирует на абстрактные понятия так же, как ты и я, а что же еще надо? Если чьи-то реакции те же, что и у тебя, чего же тебе еще желать?

- Закону на это наплевать, - сердито сказал Сэр. - Послушай, ты! - он обратился к Эндрю с невольным раздражением в голосе. - Я могу официально освободить тебя только по решению суда, а если дело дойдет до суда, ты не только не получишь свободу, но позволишь закону официально узнать о своих деньгах. Они скажут, что робот не имеет права владеть деньгами. Разве этот вздор стоит потери твоих денег?

- Свобода бесценна, сэр, - сказал Эндрю. - Даже шанс на свободу стоит этих денег.

7

Суд тоже мог прийти к мнению, что свобода бесценна и решить, что ни за какую цену, даже большую, робот не может ее купить.

Поверенный, представлявший тех, кто осуществлял классовую акцию против свободы, заявил просто:

- Слово "свобода" не имеет смысла по отношению к роботу. Свободным быть может только человек.

Он произносил это несколько раз, когда считал момент подходящим, медленно, подчеркивая слова ритмичным постукиванием руки о стол.

Маленькая Мисс попросила разрешения выступить на стороне Эндрю. Ее назвали полным именем, которого Эндрю никогда раньше не слышал:

- Аманда Лаура Мартин Чарни может предстать перед судом.

- Благодарю вас, ваша честь, - сказала она. - Я не юрист, и не знаю, как надо правильно строить фразы, но надеюсь, вы все прислушаетесь к смыслу, не обращая внимания на слова.

Попробуем понять, что означает в случае с Эндрю быть свободным. В некоторых смыслах он уже свободен. Думаю, что прошло лет двадцать с тех пор, как кто-нибудь из семьи Мартинов приказывал ему сделать то, что, как мы чувствовали, ему не хотелось бы сделать по собственному желанию.

Но мы можем, если захотим, приказывать ему сделать все, что угодно, управлять им так грубо, как пожелаем, потому что он принадлежащая нам машина. Но зачем нам так поступать, если он так долго и так верно прослужил у нас и заработал нам так много денег? Больше он нам ничего не должен. Долг лежит полностью на другой стороне.

Даже если нам законом будет запрещено силой заставлять Эндрю служить нам, он все равно станет служить добровольно. Сделать его свободным будет означать лишь манипуляцию словами, но для него это будет значить очень много. Это даст ему все, и не будет нам стоить ничего.

На мгновение судья попытался сдержать улыбку.

- Я понял ваше мнение, миссис Чарни. Но дело в том, что не имеется ни близкого по смыслу закона, ни соответствующего случаю прецедента. Есть, однако, невысказанное предположение, что лишь человек может насладиться свободой. Я могу сформулировать сейчас новый закон, который может быть отменен в более высоком суде, но я не могу с легкостью выступить против упомянутого положения. Я хочу обратиться к роботу. Эндрю?

- Да, ваша честь.

Эндрю впервые заговорил на суде, и судья на мгновение удивился человеческому тембру его голоса. Он спросил:

- Почему ты хочешь быть свободным, Эндрю? Каким образом это имеет для тебя значение?

- Вы хотели бы быть рабом, ваша честь? - спросил Эндрю.

- Но ты не раб. Ты прекрасный робот, можно даже сказать, гениальный робот, как мне дали понять, способный к проявлению артистизма, равному которого нет нигде. Что бы ты еще сделал, если бы стал свободным?

- Возможно, не больше, чем делаю сейчас, но с большей радостью. Здесь в суде уже было сказано, что только человек может быть свободным. Но мне кажется, что свободным может быть только тот, кто желает свободы. А я хочу свободы.

И именно эта фраза дала намек судье. Главное предложение в судебном решении звучало так: "Не имеется права на отрицание свободы для любого, чей разум развит в достаточной степени, чтобы осознать эту концепцию и выразить свое желание".

И в конечном итоге это судебное решение было утверждено Всемирным судом.

Сэр остался недоволен, и его резкий голос вызвал в Эндрю почти такое же чувство, словно у него произошло короткое замыкание.

- Мне не нужны твои чертовы деньги, Эндрю, - сказал он. - Я возьму их лишь потому, что иначе ты не станешь чувствовать себя свободным. С этого момента ты можешь сам выбирать себе занятие и делать все так, как тебе нравится. Я не стану отдавать тебе приказания, кроме одного, последнего - делай что хочешь. Но я продолжаю нести за тебя ответственность - это входит в решение суда. Надеюсь, ты это понимаешь.

- Не кипятись, папа, - прервала его Маленькая Мисс. - Ответственность - не такое уж тяжелое бремя. Ты же знаешь, что тебе ничего не придется делать. Об этом позаботятся три закона роботехники.

- Так как же он может быть свободен?

- А разве люди не связаны своими законами, сэр? - спросил Эндрю.

- Я не намерен спорить, - сказал Сэр. Он ушел, и с тех пор Эндрю редко его видел.

Маленькая Мисс часто заходила навестить Эндрю в построенный и обставленный для него небольшой домик. В нем, конечно же, не было кухни и ванной. Было всего лишь две комнаты: в одной библиотека, а другом комбинация мастерской и кладовой. Эндрю получал много заказов, и как свободный робот работал еще больше, чем раньше, пока стоимость домика не была полностью выплачена и он официально не стал его владельцем.

Однажды пришел Маленький Сэр... нет, Джордж! Маленький Сэр настоял на этом после того, как суд вынес решение.

- Свободный робот никого не должен называть Маленьким Сэром, - сказал Джордж. - Я зову тебя Эндрю, ты должен звать меня Джорджем.

Это прозвучало как приказ, поэтому Эндрю называл его Джорджем, но Маленькая Мисс осталась Маленькой Мисс.

В тот день Джордж пришел один и сказал, что Сэр умирает. С ним осталась Маленькая Мисс, но Сэр захотел, чтобы Эндрю тоже был рядом.

Голос Сэра был еще силен, хотя он не был в состоянии много двигаться. Он с трудом поднял руку.

- Эндрю, - сказал он, - Эндрю... не помогай мне, Джордж. Я всего лишь умираю, я не инвалид... Эндрю, я рад, что ты свободен. Я просто хотел тебе это сказать.

Эндрю не знал, что ответить. Он еще никогда не был рядом с умирающим, но знал, что таким образом люди перестают функционировать. Это было независимой от них и неисправимой поломкой, и Эндрю не знал, какие слова подходят в таких случаях. Он смог только продолжать стоять, совершенно

молчаливый и неподвижный.

Когда все кончилось, Маленькая Мисс сказала ему:

- Знаешь, Эндрю, могло показаться, что в конце своей жизни он относился к тебе с неприязнью, но ведь он был стар, и ему было обидно, что ты захотел стать свободным.

И тогда Эндрю нашел нужные слова.

- Я никогда не стал бы свободен без него, Маленькая Мисс, - сказал он.

9

Эндрю начал носить одежду только после смерти Сэра. Сначала он одел старые брюки, которые ему дал Джордж.

Теперь Джордж был женат и стал юристом. Он вступил в фирму Фейнголда. Старый Фейнголд давно уже умер, но его дело продолжила его дочь, и в конце концов фирма стала называться "Фейнголд и Чарни". Название не изменилось даже тогда, когда дочь Фейнголда отошла от дел и никто из ее семьи не занял ее место. В то время, когда Эндрю впервые надел одежду, фамилия Чарни была только что добавлена к названию фирмы.

Джордж попытался не улыбаться, когда Эндрю впервые одел брюки, но его улыбка не укрылась от Эндрю.

Джордж показал ему, как пользоваться застёжкой со статическим зарядом, как правильно обернуть брюки вокруг нижней половины тела и застегнуть. Джордж продемонстрировал это на своих брюках, но Эндрю был уверен, что ему потребуется немало времени, чтобы воспроизвести плавное движение руки Джорджа.

- Ну зачем тебе брюки, Эндрю? - спросил Джордж. - Твое тело настолько функционально совершенно, что его просто стыдно скрывать - особенно раз тебе нет нужды беспокоиться о контроле температуры или о приличиях. К тому же на металле они плохо застегиваются.

- А разве тела людей не функционально совершенны, Джордж? - возразил Эндрю. - Тем не менее вы одеваетесь.

- Ради тепла, для чистоты, для защиты, для украшения. Ничто из этого не относится к тебе.

- Без одежды я чувствую себя голым, - сказал Эндрю. - Каким-то другим, Джордж.

- Другим! Эндрю, сейчас на Земле миллионы роботов. В нашей округе по последней переписи почти столько же роботов, сколько людей.

- Знаю. Эти роботы выполняют всевозможные работы.

- И никто из них не носит одежду.

- Но никто из них не свободен, Джордж.

Шаг за шагом Эндрю пополнял свой гардероб. Его сдерживали улыбка Джорджа и взгляды людей, заказывающих ему работу.

Он мог быть свободным, но в него была встроена тщательно детализированная программа его отношений с людьми, и ему удавалось продвигаться вперед лишь очень небольшими шагами. Открытое неодобрение отбрасывало его на месяцы назад.

Не все воспринимали Эндрю как свободного. Он не был волен возмущаться, но все же, когда он об этом думал, его мысленные процессы замедлялись.

Более того, он обычно не одевался - или надевал совсем мало одежды, когда предполагал, что его может навестить Маленькая Мисс. она была уже стара и почти все время проводила в местах с более теплым климатом, но когда возвращалась, первым делом приходила к нему в гости.

Во время одного из ее приездов Джордж уныло произнес: - Она меня доконала. Я вступаю в следующем году в легислатуру. Как дед, говорит она, так и внук.

- Как дед... - Эндрю в неуверенности умолк.

- Я хотел сказать, что я, Джордж, внук, стану как Сэр, мой дед, который когда-то был членом легислатуры.

- Было бы приятно, Джордж, - сказал Эндрю, - если бы Сэр был все еще... - Он запнулся, потому что не хотел произносить "В рабочем состоянии". Слова казались неподходящими.

- Жив, - подсказал Джордж. - Да, я тоже иногда вспоминаю старикана.

Потом Эндрю думал об этом разговоре. Он уже заметил в разговорах с Джорджем неуклюжесть своей речи. С тех пор как в Эндрю вложили первоначальный словарь, язык каким-то образом изменился. К тому же Джордж использовал бытовые обороты речи, а Сэр и Маленькая Мисс - нет. С чего это он назвал Сэра стариканом, когда ясно, что это слово неподходящее?

Книги не могли ему помочь. они были старые и посвящены в основном резьбе по дереву, вопросам искусства и мебельного дизайна. Книг же о языке и поведении людей у него не было.

Он тут же решил, что должен поискать нужные книги, а как свободный робот почувствовал, что не обязан спрашивать на это разрешение Джорджа. Он придет в город и отыщет библиотеку. Это было победоносное решение, и он почувствовал, как его электропотенциал поднимается все выше, и ему пришлось сбросить избыток на катушку сопротивления.

Он одел свой полный костюм, не забыв даже деревянную цепочку на плече. Он предпочел бы блестящий пластик, но Джордж сказал, что дерево гораздо более подходящий материал, и что полированный кедр к тому же значительно дороже.

Он отошел от дома на сотню футов, когда все нарастающее сопротивление заставило его остановиться. Он отключил от цепи катушку сопротивления, а

когда этого показалось недостаточно, вернулся в свой дом и на листке бумаги четко написал: "Я ушел в библиотеку", а затем положил записку на видное место на рабочем столе.

10

Эндрю так и не нашел библиотеку. Он изучил карту. Он знал дорогу, но не то, как все выглядит в действительности. Окружающее совсем не сходилось с символами на карте, и он в нерешительности остановился. В конце концов он пришел к выводу, что, должно быть, пошел неправильным путем, потому что все вокруг выглядело странно и непонятно.

Он прошел мимо нескольких уличных роботов, но к тому времени, когда он решил разузнать дорогу, ни одного из них поблизости не оказалось. Машина проехала, не остановившись. Он стоял в задумчивости, что внешне выглядело как спокойная неподвижность, и тут увидел, как через площадь в его сторону идут двое людей.

Он повернулся им навстречу, и они тоже изменили направление, чтобы подойти к нему. За секунду до этого они громко разговаривали и он слышал их голоса, но теперь они шли молча. У них был тот вид, который Эндрю ассоциировал у людей с неуверенностью. Они были молоды, но не очень. Лет двадцать, наверное? Эндрю не умел оценивать возраст.

- Не укажете ли вы мне путь в городскую библиотеку, сэры? - спросил Эндрю.

Один из них, который был повыше, и чья высокая шляпа удлиняла его еще больше, придавая почти гротескный вид, сказал, но не Эндрю, а другому:

- Это робот.

У другого были мясистый нос и тяжелые веки. Он ответил, но не Эндрю, а первому:

- Он носит одежду.

Высокий щелкнул пальцами:

- Это свободный робот. У семьи Чарни есть такой робот, что никому не принадлежит. Иначе почему он одет?

- Спроси его, - сказал носатый.

- Ты робот семьи Чарни? - спросил высокий.

- Я Эндрю Мартин, сэр, - ответил Эндрю.

- Прекрасно. Тогда разденься. Роботы не носят одежду. - Он повернулся к другому: - Отвратительное зрелище. Ты только посмотри на него.

Эндрю замер. Он так давно не слышал приказа, да еще высказанного таким тоном, что его схемы второго закона моментально заблокировались.

- Снимай одежду, - сказал высокий. - Я тебе приказываю.

Эндрю начал медленно раздеваться.

- Бросай ее на землю, - сказал высокий.

- Если он ничей, - сказал носатый, - то он может стать нашим столь же просто, как и чьим-то.

- В любом случае, - отозвался высокий, - кто станет возражать против того, что мы делаем. Мы же ничью собственность не портим... Встань на голову, - велел он.

- Голова не предназначена для того... - начал Эндрю.

- Это приказ. Если не знаешь, как это сделать, все равно попробуй.

Эндрю снова помедлил, затем наклонился и поставил голову на землю. Он попытался задрать ноги, но тут же тяжело упал.

- А теперь лежи, - сказал высокий. - Мы можем разобрать его на части,

- предложил он другому. - Никогда не доводилось роботов разбирать?

- А он позволит?

- А как он может не позволить?

Эндрю никак не смог бы им помешать, если бы они достаточно строго приказали ему не сопротивляться. Второй закон повиновения имел преимущество над третьим законом самосохранения. В любом случае он не мог защитить себя, опасаясь случайно нанести им вред, а это означало нарушение первого закона. При мысли об этом все его подвижные части слегка сжались, и он вздрогнул.

Высокий подошел и пнул его ногой. - Тяжелый. Похоже, без инструментов нам не обойтись.

- Можно приказать ему самого себя разобрать, - сказал носатый. - Веселое будет зрелище.

- Да, - задумчиво произнес высокий, - только пусть сначала отойдет в сторону от дороги. Если кто-нибудь пойдет мимо...

Но они опоздали. Кто-то действительно шел мимо, и это был Джордж. С того места, где он лежал, Эндрю видел, как Джордж поднялся в отдалении на небольшой холмик. Ему хотелось как-то подать Джорджу знак, но последний приказ был "лежать".

Тут Джордж побежал и вскоре был рядом, немного запыхавшись. Молодые люди немного отошли и выжидательно остановились.

- Эндрю, у тебя какая-то неисправность? - с тревогой спросил Джордж.

- Я в рабочем состоянии, Джордж.

- Тогда встань. Что с твоей одеждой?

- Этот твой робот, дядя? - спросил высокий.

Джордж резко обернулся. - Это ничей робот. Что здесь происходит?

- Мы вежливо попросили его снять одежду. А тебе какое дело, раз он не твой?

- Что они с тобой сделали, Эндрю? - спросил Джордж.

- В их намерения входило каким-то образом разобрать меня, - ответил Эндрю. - Они собирались отвести меня в укромное место и приказать

разобрать самого себя.

Джордж посмотрел на парней. Его подбородок задрожал. Парни больше не пятились. Они улыбались. Высокий весело спросил: - И что же ты собираешься сделать, старый козел? Напасть на нас?

- Нет, - сказал Джордж, - самому мне делать ничего не надо. Этот робот жил в моей семье больше семидесяти лет. Он знает нас, и мы для него гораздо дороже, чем кто-либо другой. Я просто скажу ему, что вы угрожаете моей жизни и собираетесь меня убить. Я попрошу его защитить меня. Выбирая между вами и мной, он выберет меня. Знаете, что от вас останется, когда он до вас доберется?

Парни неуверенно попятнулись.

- Эндрю, - резко произнес Джордж. - Я в опасности, мне угрожают эти двое парней. Подойди к ним!

Эндрю шагнул вперед, парни не стали ждать и рванули прочь.

- Все в порядке, Эндрю, успокойся. - сказал Джордж. Он сильно переволновался. Он давно уже перешагнул тот возраст, когда был в состоянии выяснять отношения с одним противником, не говоря уже о двух.

- Я не мог причинить им вреда, Джордж, - сказал Эндрю. - Я же видел, что они не нападали.

- А я и не приказывал тебе атаковать их. Я всего лишь велел тебе подойти к ним. Все остальное сделал страх.

- Как могут люди бояться роботов?

- Это застарелая болезнь человечества, одна из тех, от которых оно еще не избавилось. Но это пустяки. Какой дьявол тебя сюда занес, Эндрю? Я уже собирался вернуться и нанять вертолет, но вовремя увидел тебя. Как тебе могло прийти в голову отправиться в библиотеку? Я принес бы любые нужные книги.

- Но я же... - начал Эндрю.

- Свободный робот. Да, да. Ну, хорошо, и что же ты собирался взять в библиотеке?

- Мне хотелось больше узнать о людях, о мире, обо всем. И о роботах, Джордж. Я хочу написать историю роботов.

- Ладно, пойдем домой... - сказал Джордж. - Только подбери сначала свою одежду. Эндрю, есть миллион книг по роботехнике, и в каждой описана история этой науки. Мир уже переполнен не только роботами, но и информацией о роботах.

Эндрю покачал головой, воспроизводя недавно усвоенный человеческий жест.

- Не историю роботехники, Джордж. Историю р_о_б_о_т_о_в, написанную роботом. Я хочу объяснить, что думают роботы о том, что случилось с тех пор, как первые из них стали жить и работать на Земле.

Брови Джорджа приподнялись, но он ничего не ответил.

Маленькой Мисс недавно исполнилось восемьдесят три года, но ее энергия и решительность с годами не убавились. Она чаще размахивала своей тростью, чем опиралась на нее.

Она выслушала рассказ с яростным негодованием.

- Это ужасно, Джордж, - сказала она. - Кто эти молодые бандиты?

- Не знаю. Какое это имеет значение? В конце концов они его не повредили.

- Но могли. Ты юрист, Джордж, и если ты отошел от дел состоятельным человеком, то лишь благодаря таланту Эндрю. Это он заработал те деньги, что заложили основу всего, что у нас есть. Он обеспечил целостность нашей семьи, и я не позволю обращаться с ним, как с надувной игрушкой.

- Так что же ты от меня хочешь, мама? - спросил Джордж.

- Я ведь сказала, что ты юрист. Разве ты не слышал? Ты должен как-то организовать судебное разбирательство и вынудить региональные суды объявить о правах роботов, провести через легислатуру необходимые законопроекты и не оставлять дела вплоть до Всемирного суда, если потребуется. Я стану следить за этим, Джордж, и не потерплю никаких уверток.

Она не шутила, и то, что началось как способ успокоить разгневанную старую леди, разрослось в дело, достаточно юридически запутанное, чтобы сделать его интересным. Как старший партнер фирмы "Фейнголд и Чарни", Джордж разрабатывал стратегию, но оставлял черновую работу младшим партнерам, в том числе солидную ее часть своему сыну Полу, который тоже был членом фирмы, и почти ежедневной обязанностью которого стало докладывать обо всем бабушке. Та, в свою очередь, каждый день обсуждала дела с Эндрю.

Сам Эндрю тоже был глубоко вовлечен. Его работа над книгой о роботах была снова отложена, потому что теперь он продирался сквозь дебри различных толкований законов, и даже иногда давал робкие советы.

Однажды он сказал:

- Джордж говорил мне в тот день, что люди всегда боялись роботов. Пока такая боязнь останется, судьи и юристы вряд ли будут стараться в их пользу. Не следует ли что-нибудь сделать для создания нужного общественного мнения?

С этого момента Пол работал с судьями, а Джордж взялся за публику. Это давало ему преимущества неофициального лица, и он даже зашел настолько далеко, что несколько раз облачался в новомодную просторную одежду, которую обозвал драпировкой. Пол сказал ему:

- Только не появляйся в ней на людях, папа.
- Попробую этого не делать, - уныло отозвался Джордж.

При случае он обратился к участниками ежегодного сбора редакторов голографического телевидения, и, в частности, сказал:

- Если, согласно второму закону, мы можем требовать от любого робота неограниченного подчинения во всех отношениях, кроме нанесения вреда человеку, то в таком случае любой человек имеет опасную власть над любым роботом. Кроме того, поскольку второй закон приоритетнее третьего, любой человек может использовать закон подчинения для преодоления закона самосохранения. Он может приказать любому роботу повредить или даже уничтожить себя по любому поводу, или даже безо всякого повода.

Разве это справедливо? Разве мы обращаемся так с животными? Даже неодушевленный предмет, который хорошо нам служит, имеет право на бережное обращение. А робот не бесчувственный предмет, и даже не животное. Он достаточно хорошо мыслит, чтобы с нами разговаривать, спорить и шутить. Можем ли мы обращаться с ними, как с друзьями, можем ли работать вместе с ними, и не предоставить им хотя бы часть плодов этой дружбы, часть выгоды от сотрудничества?

Если человек имеет право дать роботу приказ, который не подразумевает причинение вреда другому человеку, то он должен обладать и таким достоинством, чтобы не отдавать роботу приказ, наносящий вред роботу, если только этого абсолютно не требует безопасность человека. С большей властью приходит и большая ответственность, и если у роботов есть три закона, защищающие людей, разве чрезмерна просьба о том, чтобы и у людей были один-два закона, защищающие роботов?

Эндрю оказался прав. Именно борьба за общественное мнение оказалась ключевым моментом при рассмотрении дела в суде и законодательстве, и в конце этого рассмотрения был принят закон, запрещающий при определенных условиях

отдавать приказы, вредящие роботам. В него все время вносились бесконечные поправки, а наказание за его нарушение совершенно не соответствовало последствиям, но принцип был установлен. Окончательное рассмотрение закона во Всемирном суде проходило в день смерти Маленькой Мисс.

Это не было совпадением. Маленькая Мисс отчаянно боролась за жизнь, пока шли последние дебаты, и скончалась лишь после того, как узнала о победе. Ее последняя улыбка была обращена к Эндрю. Ее последние слова были: "Мы любили тебя, Эндрю".

Она умерла, держа его за руку, а ее сын, невестка и внуки стояли в почтительном отдалении.

Секретарь вышел во внутреннее помещение офиса, и Эндрю принялся терпеливо ждать. Секретарь мог бы воспользоваться голографическим видеофоном, но для него, несомненно, было бы не по-человечески (или, возможно, не по-роботски) иметь дело в другом роботом, а не с человеком.

Эндрю убивал время, обдумывая этот вопрос. Можно ли выражение "по-роботски" использовать как аналог выражения "По-человечески", если "по-человечески" стало метафорическим термином, сильно отличающимся от своего исходного буквального смысла по отношению к роботам - или, скажем, к женщинам?

Подобные проблемы часто возникали при работе над книгой о роботах. Обдумывание предложений для выражения всех сложных мыслей, несомненно, обогатило его словарь.

Время от времени кто-нибудь заходил в комнату посмотреть на него, и он не отводил глаз. Он спокойно глядел на вошедшего, и каждый из них после этого начинал смотреть в сторону.

Наконец к нему вышел Пол Чарни. Он выглядел удивленным, вернее, должен был бы выглядеть, если бы Эндрю мог уверенно различать выражения лиц. Пол обильно пользовался косметикой, употребление которой мода диктовала для обоих полов, и хотя она и придавала четкость и твердость несколько мягким чертам его лица, Эндрю не одобрял этого. Он обнаружил, что выражение неодобрения к людям, если не высказывать его словами, не вызывает в нем большого смущения. Он мог даже выразить это неодобрение письменно. Он был уверен, что не был на это способен всегда.

- Заходи, Эндрю, - сказал Пол. - Извини, что заставил тебя ждать, но было одно дело, которое нужно было обязательно закончить. Заходи. Ты передал, что хочешь поговорить со мной, но я не знал, что ты имел в виду разговор здесь, а не дома.

- Если ты занят, пол, я готов подождать еще.

Пол взглянул на игру движущихся теней на настенном диске, служившем часами, и сказал:

- У меня есть немного времени. Ты пришел пешком?

- Нанял автомобиль.

- Проблем не было? - спросил Пол с искренней озабоченностью.

- Я не ожидал никаких проблем. Мои права защищены.

Пол еще больше встревожился.

- Эндрю, я же объяснял, что наличие такого закона не обязывает к его применению, по крайней мере в большинстве случаев... и если ты настаиваешь на том, чтобы носить одежду, то когда-нибудь нарвешься на неприятность - как в тот первый раз.

- И единственный, Пол. Мне очень жаль, что ты огорчен.

- Хорошо, посмотри на это с другой стороны. Ты уже стал буквально живой легендой, Эндрю, и во многих отношениях представляешь слишком большую ценность, чтобы иметь право рисковать собой... Как придвигается книга?

- Уже приближаюсь к концу, Пол. Издатель очень доволен.

- Отлично!

- Не знаю, доволен ли он книгой самой по себе. Мне кажется, он надеется продать много экземпляров оттого, что она написана роботом. И именно это его радует.

- Боюсь, он всего лишь человек.

- Меня это не огорчает. Пусть книга продается по любой причине, потому что это принесет деньги, которые я смогу использовать.

- Бабушка завещала тебе...

- Маленькая Мисс была щедра, и я уверен, что смогу рассчитывать на помощь семьи и в будущем. Но чтобы продвинуться на следующий шаг, я хочу воспользоваться гонораром от книги.

- И каков же этот следующий шаг?

- Я хочу встретиться с главой "Ю.С.Роботс". Я пытался договориться с ним о встрече, но пока что не смог до него добраться. Корпорация не стала сотрудничать со мной, когда я писал книгу, так что, как ты понимаешь, я не удивлен.

Пол явно развеселился.

- И ты еще надеялся на сотрудничество! Они же не помогали нам в борьбе за права роботов, и ты сам способен увидеть причину. Дай роботам права, и люди не захотят покупать их.

- Все равно, - сказал Эндрю. - Если ты позвонишь им, то, возможно, договоришься о встрече для меня.

- Я у них не более популярен, чем ты.

- А если ты намекнешь им, что встретившись со мной, они обезглавят кампанию за упрочение прав роботов, которую ведет "Фейнголд и Чарни"?

- А разве это не будет ложью, Эндрю?

- Конечно, Пол, но я же не в состоянии лгать. Поэтому позвонить должен ты.

- Ах, вот как, ты не можешь лгать, но можешь заставить солгать меня. Так, что ли? Эндрю, ты непрерывно становишься все больше похож на человека!

Встречу оказалось устроить непросто, даже воспользовавшись достаточно авторитетным, по общему мнению, именем Тола.

Но в конце концов они договорились, после чего Харли Смайве-Робертсон, который по материнской линии происходил от самого основателя корпорации и писал свою фамилию через черточку, чтобы на это указывать, заметно обеспокоился. Он уже приближался к пенсионному возрасту, и весь срок пребывания на посту президента компании занимался вопросом о правах роботов. Его седеющие волосы поредели на макушке, на лице не было косметики, и время от времени он бросал на Эндрю неприязненные взгляды.

- Сэр, - сказал Эндрю, - почти столетие назад Мертон Мански из вашей корпорации сказал мне, что математические расчеты, на основании которых создаются позитронные схемы, оказались слишком сложными для получения любых решений, кроме приблизительных, и что, следовательно, мои возможности не были полностью предсказуемыми.

- Это было век тому назад. - Смайве-Робертсон помедлил и ледяным тоном добавил: - Сэр. Сейчас это утверждение неверно. Наши роботы изготавливаются очень точно, и их тренируют для выполнения именно той работы, для которой создают.

- Верно, - отозвался Тол, который пришел для того, как он говорил, чтобы убедиться, что корпорация ведет честную игру. - И в результате моему секретарю необходимо растолковывать каждый его шаг, если случается, что его действия должны хоть немного отличаться от привычных.

- Вам стало бы гораздо неприятнее, если бы он импровизировал.

- Выходит, - сказал Эндрю, - вы больше не делаете роботов вроде меня, гибких и приспособляющихся?

- Нет.

- Исследования, которые я провел во время написания своей книги, - сказал Эндрю, - показали, что я на сегодня старейший из активно действующих роботов.

- Старейший сейчас, - сказал Смайве-Робертсон, - и старейший вообще. И останетесь таким навсегда. После двадцати пяти лет работы роботы ни на что не годны. Их отзывают на заводы и заменяют новыми моделями.

- Ни один из производимых с_е_й_ч_а_с роботов непригоден через двадцать пять лет, - с удовлетворением отметил Тол. - В этом отношении Эндрю - исключительное явление.

Эндрю, возвращаясь к намеченной для себя цели, сказал:

- Как старейший и наиболее способный к изменениям робот в мире, я хочу спросить, не являюсь ли я достаточно необычным, чтобы рассчитывать на особое отношение компании?

- Ни в коем случае, - ледяным тоном произнес Смайве-Робертсон. - Ваша необычность - помеха для компании. Если бы вас в свое время сдали в аренду, а не продали по какому-то недоразумению, то вас бы уже

давным-давно заменили.

- Но в этом-то и дело, - сказал Эндрю. - Я - свободный робот и владею сам собой. Поэтому я пришел к вам и прошу меня заменить. Вы не можете этого сделать без согласия владельца. Сейчас подобное согласие включается в условия контракта на аренду робота, но в мое время это не было сделано.

Смайве-Робертсон был одновременно и удивлен, и заинтригован, поэтому некоторое время все молчали. Эндрю стал разглядывать висящую на стене голографию. Это была посмертная маска Сьюзен Келвин, святого патрона всех роботехников. Она умерла почти двести лет назад, но работая над книгой, Эндрю так хорошо ее узнал, что был почти готов убедить себя, что встречал ее живой.

- Как я смогу заменить вас на самого себя? - спросил Смайве-Робертсон. - Если я заменю вас как робота, то как я смогу признать нового робота владельцем самого себя, то есть вас, если из-за самого факта замены вы перестанете существовать? - Он мрачно усмехнулся.

- Все гораздо проще, - вмешался Пол. - Ядро личности Эндрю - его позитронный мозг, и это единственная часть, которая не может быть заменена без создания нового робота. Следовательно, позитронный мозг и есть Эндрю-владелец. Любая другая часть робота может быть замещена без воздействия на его личность, а сами эти другие части являются личной собственностью мозга. Я бы сказал, что Эндрю хочет снабдить свой мозг новым телом.

- Совершенно верно, - спокойно произнес Эндрю. Он повернулся к Смайве-Робертсону. - вы ведь изготавливаете андроидов, не так ли? Роботов, имеющих внешность человека вплоть до текстуры кожи?

- Да, - сказал Смайве-Робертсон. - Они отлично работают, обладая кожей и сухожилиями из синтетических волокон. Они практически не содержат металл, кроме как в мозге, и в то же время почти так же прочны, как металлические. Даже прочнее при равном весе.

Пол заинтересовался.

- Я этого не знал. И сколько их сейчас на рынке?

- Ни одного, - сказал Смайве-Робертсон. - Они гораздо дороже металлических моделей, а исследование рынка показало, что они не будут пользоваться спросом, потому что очень похожи на людей.

- Но, как мне кажется, корпорация хранит полученный опыт, - сказал Эндрю. - В таком случае хочу попросить, чтобы меня заменили на робота их органики, на андроида.

Пол удивился.

- Великий боже! - воскликнул он.

Смайве-Робертсон насторожился.

- Это совершенно невозможно!

- Почему же невозможно? - спросил Эндрю. - Разумеется, я заплачу любую сумму в разумных пределах.

- Мы не изготавливаем андроидов, - сказал Смайве-Робертсон.

- Вы решили не изготавливать андроидов, - быстро вмешался Пол. - Это вовсе не равносильно тому, что вы не умеете их делать.

- Все равно, - сказал Смайве-Робертсон. - Изготовление андроидов противоречит общественной политике.

- Закон этого не запрещает, - заметил Пол.

- Пусть так, но мы не производим их, и не станем производить.

Пол прокашлялся.

- Мистер Смайве-Робертсон, - сказал он. - Эндрю - свободный робот, попадающий под сферу действия закона, гарантирующего права роботов. Думаю, вы сознаете это?

- Слишком хорошо.

- Этот робот, являясь свободным роботом, решил носить одежду. Это привело к тому, что ему часто наносят оскорбления люди, несмотря на закон, запрещающий оскорблять роботов. Трудно преследовать по закону за расплывчатые оскорбления, которые не встречают всеобщего неодобрения тех, кто определяет виновность или невиновность.

- "Ю.С.Роботс" понимала это с самого начала. Фирма же вашего отца, к сожалению, нет.

- Моего отца уже нет в живых, - сказал Пол. - Но теперь я вижу, что здесь мы имеем явное оскорбление и явный объект этого оскорбления.

- О чем это вы? - спросил Смайве-Робертсон.

- Мой клиент Эндрю Мартин - а он только что стал моим клиентом - свободный робот, который имеет право просить "Ю.С.Роботс энд Мекэникл Мэн Корпорейшн" об удовлетворении своего права на замену, которое корпорация предоставляет любому, владеющему роботом более двадцати пяти лет. Более того, корпорация настаивает на такой замене.

Пол улыбнулся, оказавшись в своей стихии. Он продолжил:

- Позитронный мозг моего клиента является владельцем тела моего клиента - которое заведомо старше двадцати пяти лет. Позитронный мозг требует замены тела и предлагает любую разумную цену за тело андроида в качестве таковой замены. Отказываясь выполнить его просьбу, вы тем самым наносите оскорбление моему клиенту, и мы подаем на вас в суд.

Хотя общественное мнение, как обычно, и не будет расположено поддержать иск, поданный роботом, могу вам напомнить, что "Ю.С.Роботс" в целом не имеет популярности. Даже те, кто больше всего использует роботов и получает от этого выгоду, относятся к корпорации с недоверием. Это может быть отголоском тех дней, когда роботобоязнь имела широкое распространение, а может происходить и от возмущения против власти и богатства корпорации, имеющей мировую монополию. Какова бы ни была причина, недовольство существует, и, я думаю, вы понимаете, что лучше не доводить дело до суда, в особенности потому, что мой клиент богат и проживет еще не одно столетие, и у него будут и причины, и возможности

вести борьбу бесконечно.

Смайве-Робертсон медленно побагровел.

- Вы пытаетесь заставить меня...

- Я ни к чему вас не принуждаю, - сказал Пол. - Если вы собираетесь отказаться выполнить разумную просьбу моего клиента, то можете сделать это совершенно свободно, и мы уйдем, не произнеся больше ни слова... Но мы подадим иск, на что имеем полное право, и в конце концов вы обнаружите, что проиграли.

- Ну, что же... - произнес Смайве-Робертсон и замолк.

- Я вижу, вы склонны принять нашу просьбу, - сказал Пол. - Вы колеблетесь, но в конце концов придете к этому. Позвольте, в таком случае, заверить вас еще в одном. Если в процессе переноса позитронного мозга моего клиента из его нынешнего тела в новое, органическое, ему будет нанесено хотя бы малейшее повреждение, я не успокоюсь до тех пор, пока не нанесу корпорации максимальный вред. Если будет надо, я предприму все возможные шаги, чтобы настроить общественное мнение против корпорации - в том случае, если платиноиридиевую сущность моего клиента хотя бы поцарапают. - Он повернулся к роботу. - Ты согласен со всем этим, Эндрю?

Эндрю не отвечал целую минуту. Согласие было бы равносильно одобрению лжи, подлогу и издевательствам над человеком. Но не нанесению физического вреда, напомнил он себе, только не этому.

И в конце концов он выдавил слабое "да".

14

Это было похоже на те ощущения, которые он испытывал, когда его впервые собрали. Сначала в течение дней, потом недель, потом месяцев Эндрю чувствовал себя каким-то образом не самим собой, и простейшие действия продолжали вызывать у него затруднения.

Пол был в ярости.

- Они повредили тебя, Эндрю. Мы должны подать иск.

Эндрю пока говорил очень медленно.

- Не надо. Ты не сможешь доказать... умышленное... п-п-п...

- Повреждение?

- Повреждение. Кроме того, я стал сильнее, лучше. Это тр-тр-тр...

- Тревога?

- Травма. В конце концов, я раньше не имел опыта таких оп-оп-операций.

Эндрю мог ощущать свой мозг изнутри. Никому другому это не было доступно. Он знал, что с ним все в порядке, и в течение месяцев, которые

ему потребовались для развития координации движений и обратной связи от тела к мозгу, он целые часы проводил перед зеркалом.

Не совсем человек! Лицо неподвижное - слишком неподвижное - а движения чересчур дергающиеся. Им не хватало беспечной легкости человеческих движений, но, возможно, это со временем придет. По крайней мере, он сможет носить одежду и не бросаться в глаза из-за причудливой неестественности металлического лица над воротничком.

Настал день, когда он сказал:

- Я собираюсь снова начать работать.

- Это означает, что ты в полном порядке, - рассмеявшись, сказал Пол.

- И чем же ты хочешь заняться? Написать новую книгу?

- Нет, - серьезно ответил Эндрю. - Я живу слишком долго и не могу позволить какой-либо одной профессии схватить меня за горло и не отпускать. Было время, когда я был преимущественно художником, и я до сих пор способен вернуться к этому занятию. И было время, когда я был историком, и этот путь для меня тоже открыт. Но сейчас я хочу стать робобиологом.

- Робопсихологом, ты хочешь сказать?

- Это подразумевает изучение позитронного мозга, а у меня пока что нет желания с этим связываться. Робобиолог, как мне кажется, будет исследовать работу тела, присоединенного к мозгу робота.

- А разве это не роботехника?

- Роботехник работает с металлическим телом. Я же стану изучать органическое гуманоидное тело, которым обладаю лишь я один, насколько мне известно.

- Ты сужаешь свою область, - задумчиво произнес Пол. - Как художник ты был волен выбирать любую концепцию, как историк ты занимался в основном роботами, став же робобиологом, ты сможешь изучать лишь самого себя.

Эндрю кивнул.

- Вроде бы так.

Ему пришлось начать с азов, потому что он ничего не знал об обычной биологии и почти ничего о научных методах. Он стал завсегдатаем библиотек, где целыми часами просиживал за электронными каталогами. В одежде он выглядел совершенно нормально. Те немногие, кто знал, что он робот, никак с ним не общались.

Он пристроил к дому комнату для лаборатории, а его библиотека постоянно росла.

Прошли годы, и однажды Пол пришел к нему и сказал:

- Жаль, что ты больше не работаешь над историей роботов. Как я понял, "Ю.С.Роботс" начинает проводить совершенно новую политику.

Пол постарел, и его изношенные глаза были заменены фотооптическими ячейками. В этом смысле он стал ближе к Эндрю.

- И что же они задумали? - спросил Эндрю.

- Они изготовили центральные компьютеры - в действительности гигантские позитронные мозги - которые по микроволновой связи управляют роботами, от дюжины до тысяч сразу. У самих роботов мозга нет вообще. Они стали придатками огромного компьютера, и теперь обе части фактически разделены.

- И это более эффективно?

- Корпорация утверждает, что да. Однако это новое направление разработал незадолго до смерти Смайве-Робертсон, и по моему мнению, это реакция на твое существование. "Ю.С.Роботс" решила, что больше не стоит изготавливать роботов, которые в состоянии причинить ей беспокойство, как это сделал ты, поэтому они разделили мозг и тело. У мозга не будет тела, которое он захочет заменить; у тела не будет мозга, чтобы желать хоть что-нибудь.

- Просто поразительно, Эндрю, - продолжил Пол, - то влияние, которое ты оказал на историю роботов. Твои художественные способности побудили корпорацию сделать роботов более точными и специализированными, твоя свобода привела к принятию закона о правах роботов, а твоя настойчивость в получении андроидного тела заставила корпорацию переключиться на разделение мозга и тела.

- Мне кажется, - сказал Эндрю, - что корпорация закончит тем, что создаст один гигантский мозг, контролирующий несколько миллиардов тел. Все яйца окажутся в одной корзине. И совсем нецелесообразно.

- Думаю, что ты прав, - сказал Пол, - но по-моему, на это потребуется не менее столетия, и я не проживу так долго. Практически, я могу не дожить и до следующего года.

- Пол! - с тревогой воскликнул Эндрю.

Пол пожал плечами.

- Мы смертны, Эндрю. Мы не такие, как ты. Это не так уж важно, но достаточно, чтобы заверить тебя вот в чем. Я последний из рода Чарни. Есть дальние родственники по линии сестры моей бабушки, но они не в счет. Деньги, которые я лично контролирую, будут завещаны тебе, поэтому на то время, на которое можно предвидеть будущее, ты останешься экономически независим.

- В этом нет необходимости, - с трудом произнес Эндрю. Прожив столько лет, он до сих пор не мог примириться со смертью в семье Чарни.

- Давай не будем спорить, - сказал Пол. - Чему быть, того не миновать. Над чем ты сейчас работаешь?

- Я разрабатываю систему, позволяющую андроиду - то есть мне - получать энергию не от атомных батарей, а от сжигания углеводов.

Пол удивленно приподнял брови.

- И им придется дышать и есть?

- Да.

- И давно ты это изобретаешь?

- Теперь уже давно. И думаю, что мне удалось придумать подходящую камеру сгорания, в которой расщепление контролируется катализатором.
- Но зачем, Эндрю? Ведь атомные батареи несравненно лучше.
- В некоторых отношениях, возможно и лучше, но ведь вы ими не пользуетесь.

15

Времени потребовалось много, но оно у Эндрю было. Сначала он не хотел ничего начинать, пока Пол не умрет спокойно.

Со смертью пра-правнука Сэра Эндрю почувствовал себя еще более подверженным опасностям враждебного мира, и потому с еще большей решительностью двинулся по избранному давным-давно пути.

Все же он не был совсем одинок. Пусть человек умер, но фирма "Фейнголд и Чарни" продолжала существовать, потому что корпорации смертны не более, чем роботы. Фирма получила указания и невозмутимо им следовала. Став на основании завещания частичным владельцем юридической фирмы, Эндрю

продолжал оставаться богатым. А в обмен на вносимую ежегодно солидную сумму "Фейнголд и Чарни" согласилась заниматься правовыми аспектами новой камеры сгорания.

Когда настало время совершить визит в "Ю.С.Роботс", Эндрю пошел один. Когда-то он ходил к ним с Сэром, другой раз с Полом. На этот, третий раз, он был один и имел внешность человека.

"Ю.С.Роботс" изменилась. Заводы компании переместились на большие орбитальные станции, повторив судьбу все возрастающего числа отраслей промышленности. Вместе с ними на орбиту переместилось и множество роботов. Земля стала все больше напоминать парк, ее население в миллиард человек стабилизировалось, а из равного людям количества оставшихся на Земле роботов возможно не более тридцати процентов имело независимый мозг.

Научным директором корпорации оказался на этот раз Элвин Макдескью, имевший смуглую кожу, темные волосы и остроконечную бородку. Выше пояса на

его теле не было никакой одежды кроме полоски ткани на груди, как того требовала мода. Сам Эндрю аккуратно облачился в костюм, бывший в моде несколько десятилетий назад.

- Конечно же, я вас знаю, - сказал Макдескью, - я весьма рад вас видеть. Вы наше самое знаменитое произведение, и жаль, что старый Смайве-Робертсон был так настроен против вас. мы могли бы столько сделать вместе.

- Это не поздно сделать и сейчас, - заметил Эндрю.

- По-моему, уже нет. Время ушло. Роботы жили на Земле более ста лет, но все уже изменилось. Им придется вернуться в космос. А те, что останутся, не будут иметь индивидуальный мозг.

- Но есть я. А я остаюсь на Земле.

- Верно. Но, кажется, в вас не очень-то много осталось от робота. С какой новой просьбой вы пришли?

- С просьбой помочь мне стать еще менее роботом. Поскольку я в основном состою из органики, то желаю иметь органический источник энергии. У меня с собой чертежи.

Макдескью просмотрел их внимательно. Возможно, поначалу он и не собирался этого делать, но потом напрягся и стал серьезным. В одном месте он произнес: - Великолепная разработка. Кто это придумал?

- Я, - Ответил Эндрю. Макдескью быстро взглянул на него и произнес: - Это приведет к полной перестройке вашего тела, к тому же операция будет экспериментальной, потому что подобные никогда раньше не делались. Я не советую вам на это идти. Оставайтесь в том виде, какой вы есть.

Лицо Эндрю было ограничено в демонстрации эмоций, но в голове его четко проявилось раздражение.

- Доктор Макдескью, вы не поняли самого главного. У вас нет другого выбора, кроме как исполнить мою просьбу. Если подобные устройства могут быть вмонтированы в мое тело, то с тем же успехом они могут быть имплантированы и в тело человека. Тенденция к продлению человеческой жизни путем установки протезов органов уже имеется. А устройств, превосходящих те, что я создал или создаю, просто не существует.

Дело обстоит таким образом, что я контролирую все патенты через фирму "Фейнголд и Чарни". Мы вполне способны сами заняться этим бизнесом и разработать такие типы протезных устройств, что это может закончиться получением людей со многими свойствами роботов. В этом случае пострадает ваш бизнес.

Если, однако, вы прооперируете меня сейчас и согласитесь делать это на сходных условиях и в будущем, вы получите разрешение на использование патентов и станете контролировать технологию как роботов, так и протезирования людей. Разумеется, исходное разрешение не будет выдано до тех пор, пока первая операция не будет успешно проведена и не пройдет достаточно времени для подтверждения того, что она действительно оказалась успешной.

Эндрю почти не чувствовал запретительных импульсов первого закона в ответ на те жесткие условия, в которые он ставил человека. Он научился понимать, что то, что первоначально похоже на жестокость, со временем может обернуться добротой.

Макдескью был ошеломлен.

- Я не могу сам решать подобные вопросы, - сказал он. - Решение

должны вынести несколько человек, а на это потребуется время.

- Я могу подождать разумное время, - сказал Эндрю, - но только разумное время. - И он с удовлетворением подумал, что сам Пол не провел бы дела лучше.

16

На обсуждение ушло разумное время, и операция оказалась успешной.

- Я сильно возражал против операции, Эндрю, - сказал Макдескью, - но не по тем причинам, что могли прийти тебе в голову. Я бы ничуть не был против, если бы ее проводили на ком-то другом. Мне было страшно рисковать т_в_о_и_м_ позитронным мозгом. Теперь, когда твои позитронные схемы взаимодействуют с искусственными нервами, может оказаться трудным спасти твой мозг в целости, если с телом что-то случится.

- Я полностью доверял умению персонала "Ю.С.Роботс", - ответил Эндрю.

- И теперь я могу есть.

- Да, ты можешь пить оливковое масло. Как мы тебе объясняли, это будет означать периодическую очистку камеры сгорания. По-моему, достаточно неприятная процедура.

- Возможно. Если бы я не собирался пойти еще дальше. Вполне осуществима и самоочистка. Практически я уже работаю над устройством, которое будет перерабатывать твердую пищу, содержащую несгораемые фракции

- неперевариваемые, если можно так сказать, и которые будет необходимо удалять.

- Тогда тебе придется предусмотреть анус.

- Да, его эквивалент.

- И что еще, Эндрю.

- Все остальное.

- И половые органы?

- Только если он мне потребуются. Мое тело - это холст, на котором я намерен нарисовать...

Макдескью ждал окончания предложения, и когда ему показалось, что его не будет, закончил сам:

- Человека?

- Посмотрим, - сказал Эндрю.

- Все это мелкие амбиции, Эндрю, - сказал Макдескью. - Ты лучше, чем человек. Ты начал спускаться вниз с того момента, как выбрал органику.

- Мой мозг не пострадал.

- Нет. В этом я могу тебя заверить. Но послушай, Эндрю, весь прорыв в

производстве протезных устройств, который сделал возможным твои патенты, связан в сознании людей с твоим именем. Ты - признанный изобретатель, которому оказывают почести такому, какой ты есть. Для чего же продолжать игру со своим телом?

Эндрю промолчал.

Дошла очередь и до почестей. Он стал членом нескольких научных обществ, включая и то, что было посвящено основанной им науке, названной им роботобиологией, но которая позднее была переименована в протезологию.

В стопятидесятилетнюю годовщину создания Эндрю в его честь был устроен обед в здании "Ю.С.Роботс". И если Эндрю и усмотрел в этом парадокс, то не высказал его.

Пенсионер Элвин Макдескью специально приехал, чтобы занять место председателя. Ему было девяносто четыре года, и он был жив лишь потому, что имел протезирующие устройства, выполнявшие, кроме всего прочего, функции печени и почек. Венцом обеда стал момент, когда Макдескью, после короткой и эмоциональной речи, поднял бокал и провозгласил тост "за 150-летнего робота".

К этому времени сухожилия на лице Эндрю были переделаны так, что он уже был способен выражать определенные эмоции, но в течение всей церемонии он просидел в мрачной неподвижности. Ему не нравилось быть стопятидесятилетним роботом.

17

Пришло время, когда протезология вынудила Эндрю улететь с Земли. За десятилетия, прошедшие после празднования его юбилея, Луна стала миром, во всех отношениях, кроме силы тяжести, более похожим на Землю, чем сама Земля, а ее подземные города были довольно плотно заселены.

Протезирующие устройства там должны были работать при меньшей гравитации, и Эндрю провел на Луне пять лет, работая с местными протезологами над необходимыми адаптациями. В свободное от работы время он бродил среди роботов, каждый из которых относился к нему с тем же подострастием, что и к людям.

Он вернулся на Землю, где по сравнению с Луной были тишь и гладь, и посетил контору "Фейнголд и Чарни" чтобы дать знать о своем возвращении.

Нынешний глава фирмы, Саймон де Лонг, был удивлен.

- Нам сообщили, - сказал он, - что ты возвращаешься, Эндрю (он едва не сказал "мистер Мартин"), но мы не ждали тебя раньше следующей недели.

- Я стал раздражительным, - резко произнес Эндрю. Ему не терпелось высказаться. - На Луне, Саймон, я возглавлял исследовательскую группу из

двадцати ученых. Людей, разумеется. Я отдавал распоряжения, с которыми никто не спорил. роботы на Луне считались со мной так же, как если бы я был человеком. Почему же, в таком случае, я не человек?

В глазах де Лонга появилась настороженность.

- Мой дорогой Эндрю, - сказал он, - ты мне только что рассказал, что и люди, и роботы относились к тебе, как к человеку. Следовательно, ты и есть человек *de facto*.

- Быть человеком *de facto* недостаточно. Я хочу, чтобы со мной не только обращались как с человеком, но и законно признали таковым. Я хочу быть человеком *de jure*.

- Теперь это уже другой вопрос, - сказал де Лонг. - Здесь мы столкнемся с человеческой предвзятостью и с тем несомненным фактом, что как бы ты ни напоминал человека внешне, ты все же н_е человек.

- В каком смысле не человек? - спросил Эндрю. - Я имею внешность человека и эквивалентные ему органы. Мои органы практически идентичны некоторым из тех, что имеются у людей в качестве протезов. Я внес такой же большой художественный, литературный и научный вклад в человеческую культуру, как и любой из живущих сейчас людей. Чего же еще можно требовать?

- Лично я ничего больше не требую. Проблема в том, что для признания тебя человеком потребуются акт Всемирной легислатуры. Если честно, то я не верю, что это возможно.

- С кем из легислатуры я могу поговорить?

- Возможно, с председателем Комитета по науке и технике.

- Ты можешь устроить встречу?

- Вряд ли тебе нужен посредник. При твоём положении ты можешь...

- Нет. Ее организуешь ты. (Ему даже не пришло в голову, что он прямо приказывает человеку. Он привык к этому на Луне). Я хочу, чтобы он знал, что фирма "Фейнголд и Чарни" будет стоять за меня до конца.

- Однако...

- До конца, Саймон. За 173 года я тем или иным путем многое сделал для процветания этой фирмы. В прошлом у меня были обязательства по отношению к индивидуальным членам фирмы. Теперь они выполнены. Обстоятельства изменились, и я требую, чтобы мне уплатили долги.

- Я сделаю все, что смогу, - сказал де Лонг.

Председателем Комитета по науке и технике оказалась женщина из Восточной Азии. Ее звали Чи Ли-Хсинг, и ее прозрачные одеяния (лишь легкой

дымкой скрывающие то, что она хотела скрыть) создавали впечатление, будто она обернута в пластик.

- Я с симпатией отношусь к вашему желанию обладать всеми правами человека, - сказала она. - В истории были времена, когда за эти права боролись целые группы населения планеты. Но каких, однако, прав вы можете желать сверх того, чем уже обладаете?

- Такой простой вещи, как право на жизнь. Робот может быть разобран в любой момент.

- Но человек тоже может быть в любой момент казнен.

- Казнь может состояться только после приговора суда. Чтобы меня разобрать, никакого суда не требуется. Для того, чтобы покончить со мной, достаточно лишь слова человека, обладающего властью. Кроме того... кроме того... - Эндрю отчаянно пытался не высказать в голосе мольбы, но тщательная тренировка в овладении человеческими выражениями лица и оттенками голоса оказала ему сейчас недобрую услугу. - Да, правда в том, что я хочу быть человеком. Я хочу этого уже в течение жизни шести поколений людей.

Темные глаза Ли-Хсинг посмотрели на него с сочувствием.

- Легислатура может принять закон, объявляющий вас человеком - и с такой же легкостью издать другой закон, который признает человеком каменную статую. Однако сделают ли они это в реальности, одинаково вероятно и в первом случае, и во втором. Конгрессмены - такие же люди, как и все остальные, и им тоже присущ элемент подозрительности к роботам.

- Даже сейчас?

- Даже сейчас. Мы все можем признать, что вы заслужили это право - называться человеком, и все же останется страх создания нежелательного прецедента.

- Какого прецедента? Я единственный свободный робот из своей серии, и других никогда не будет. Можете проконсультироваться в "Ю.С.Роботс".

- "Никогда" - это очень долго, Эндрю - или, если вы так предпочитаете, мистер Мартин - поскольку я с удовольствием удостаиваю вас своего личного посвящения в люди. Вы увидите, что большинство не захочет создавать прецедент, неважно каким бы малосущественным этот прецедент ни был. Примите мое сочувствие, мистер Мартин, но я не могу вас обнадеживать. И в самом деле...

Она окинулась назад и наморщила лоб.

- В самом деле, если страсти слишком накалятся, может возникнуть определенное настроение в пользу той самой разборки, о которой вы упоминали, как в самой легислатуре, так и вне ее. Избавиться от вас может показаться простейшим методом решения дилеммы. Так что примите это во внимание, прежде чем начать подталкивать события.

- И никто не вспомнит о технике протезологии, которая почти полностью связана со мной? - спросил Эндрю.

- Быть может, это и покажется вам жестоким - никто. Или, если и вспомнят, то направят против вас. Скажут, что вы сделали это только для себя. Скажут, что это было частью кампании по роботизации людей или по гуманизации роботов, то есть зло в любом случае. Вы еще никогда не были объектом кампании политической ненависти, мистер Мартин, и я скажу, что вас будут поносить и оскорблять в такой степени, что ни вы, ни я сейчас и представить не можем, и что найдутся люди, которые всему этому поверят. Мистер Мартин, оставьте свою жизнь в покое. - Она встала, и рядом с фигурой сидящего Эндрю показалась маленькой, почти как ребенок.

- Если я решу начать борьбу, - спросил он, - вы будете на моей стороне?

Она подумала, потом сказала:

- Буду. До тех пор, пока смогу. Если в определенный момент такая позиция станет угрожать моему политическому будущему, возможно, я откажусь от нее, поскольку не считаю, что она лежит в основе моих убеждений. Я стараюсь быть честной с вами.

- Спасибо, и я не стану просить большего. Я намерен бороться, несмотря на любые последствия, и прошу вашей помощи только до тех пор, пока вы сможете ее предоставлять.

19

Это не было прямой схваткой. "Фейнголд и Чарни" рекомендовали терпение, и Эндрю угрюмо пробурчал, что этого добра у него неограниченный запас. Потом юристы начали кампанию по сужению и ограничению поля битвы.

Они выдвинули проект закона, согласно которому люди с протезом сердца освобождались от обязательств по уплате долгов на том основании, что обладание роботизированным органом отрицает принадлежность к человечеству, а вместе с ним и конституционные права человека.

Они вели борьбу умело и упорно, проигрывая на каждом предпринятом шагу, но всегда таким образом, что принятое решение было вынуждено охватить максимально широкий круг последствий, а затем удерживали позиции путем апелляций к Всемирному суду.

На это потребовались годы и миллионы долларов.

Когда было принято решение, окончательно похоронившее их законопроект, де Лонг подвел итоги на торжественной вечеринке по случаю столь знаменательного поражения. Эндрю, конечно же случайно, находился в офисе компании.

- Мы добились двух следствий, Эндрю, - сказал де Лонг, - оба из которых хороши. Во-первых, мы установили, что любое количество посторонних

предметов внутри человеческого тела не мешает ему оставаться таковым. Во-вторых, мы так настроили общественное мнение в этом вопросе, что теперь люди горой стоят за широкую интерпретацию принадлежности к человечеству, поскольку ни один из ныне живущих не оставляет надежды на то, что протезология когда-нибудь продлит им жизнь.

- И ты думаешь, что теперь легислатура поддержит мою просьбу?

Де Лонг немного смутился.

- Что касается этого, то тут я не могу быть оптимистом. Остается еще один орган, который Всемирный суд использует как критерий принадлежности к человечеству. У людей органический клеточный мозг, а у роботов - платиноиридиевый позитронный, если он есть вообще. У тебя же, несомненно, позитронный... Эндрю, не надо на меня так смотреть. Мы не знаем, как продублировать работу клеточного мозга в искусственных структурах, содержащих достаточно органики, чтобы удовлетворить требованию суда. Даже ты не сможешь этого сделать.

- И что же из этого следует?

- Конечно, надо сделать новую попытку. Конгрессмен Ли-Хсинг и все большее число других будут на нашей стороне. Президент, несомненно, примет в этом вопросе сторону большинства в легислатуре.

- А у нас есть большинство?

- Нет, до этого очень далеко. Но оно сможет появиться, если люди позволят перенести на тебя свое желание о широкой интерпретации принадлежности к человечеству. признаюсь, что шанс невелик, но если ты не хочешь сдаваться, мы должны на него поставить.

- Я не хочу сдаваться.

20

Конгрессмен Ли-Хсинг сейчас была гораздо старше, чем в тот день, когда Эндрю впервые с ней встретился. она давно уже не носила прозрачной одежды. теперь ее волосы были коротко подстрижены, а одежда оставляла такое впечатление, словно она соткана из отрезков коротких трубок. И все же Эндрю придерживался, насколько позволяли рамки разумных пристрастий, того стиля одежды, что преобладал во времена, когда он впервые оделся столетие назад.

- Мы продвинулись насколько смогли, Эндрю, - сказала она. - Попробуем сделать еще одну попытку после парламентских каникул, но если честно, поражение предопределено и нам придется сдаться. Все мои последние усилия привели лишь к тому, что мои шансы на предстоящих выборах в конгресс заметно упали.

- Знаю, - сказал Эндрю, - и это меня огорчает. Когда-то вы сказали, что перестанете оказывать мне поддержку если случится то, что уже произошло. Но почему вы этого не сделали?

- Ты ведь знаешь, можно и изменить свое решение. Так получилось, что отказ от тебя стал бы для меня еще более дорогой ценой чем та, которую я была бы согласна заплатить за еще один срок в конгрессе. И вообще, я была членом legislatures целых четверть века. С меня хватит.

- И мы никак не сможем переломить их отношение, Чи?

- Мы привлекли на свою сторону всех, кто был способен прислушаться. А эмоциональные антипатии остальных - большинства - изменить уже нельзя.

- Эмоциональная антипатия - недостаточно веское основание, чтобы голосовать так или иначе.

- Я это знаю, Эндрю, но они не выдвигают эмоциональную антипатию как основание для принятия решения.

- Если все упирается в вопрос о мозге, - осторожно произнес Эндрю, - то не стоит ли поднять дискуссию на уровень "клетка против позитрона"? Разве нет способы принудить к признанию функциональных различий? Не следует ли нам сказать, что мозг состоит из того-то и того-то? И можем ли мы сказать, что мозг - это нечто, любое нечто, способное к определенному уровню мышления?

- Ничего не получится, - сказала Ли-Хсинг. - Твой мозг изготовлен людьми, а человеческий - нет. Твой мозг сконструирован, а их - результат эволюции. Для любого человека, заинтересованного в сохранении барьера между ним и роботом, эти различия равны стальной стене в миллю толщиной и в миллю высотой.

- Если бы мы только могли добраться до источника их антипатии - до самой главной причины...

- Прожив столько лет, - грустно произнесла ЛИ-Хсинг, - ты все еще пытаешься понять человека до конца. Бедный Эндрю, не сердись, но тебя толкает на это сидящий внутри тебя робот.

- Не знаю, - отозвался Эндрю, - но если бы я смог заставить себя...

1 (продолжение)

Если бы он смог заставить себя...

Он давно знал, что может прийти к такому решению, и в конце концов оказался у хирурга. Он отыскал такого, чью руки достаточно умелы, то есть хирурга-робота, потому что человеку тут нельзя было доверять, как из-за его недостаточной способности, так и из-за самого намерения сделать операцию.

Хирург не сделал бы такую операцию человеку, поэтому Эндрю, оттянув

момент принятия решения и задав несколько печальных вопросов, отражавших его внутреннее смятение, отбросил защиту первого закона, произнеся:

- Я тоже робот.

И затем он сказал твердо, как научился за последние десятилетия говорить даже с людьми:

- Я приказываю тебе сделать мне операцию.

В отсутствие первого закона столь твердо отданный приказ того, кто выглядел очень похожим на человека, активировал второй закон в достаточной степени, чтобы одержать победу.

21

Эндрю был уверен, что охватившая его слабость существует лишь в его воображении. Он уже оправился после операции. Тем не менее он прислонился к стене, попытавшись сделать это как можно более незаметно. Сесть означало слишком явно себя выдать.

- Решающее голосование произойдет на этой неделе, Эндрю, - сказала Ли-Хсинг. - Откладывать его еще раз больше уже не в моих силах, и нам придется проиграть... Все кончится, Эндрю.

- Я благодарен твоему опыту за эту задержку, - сказал Эндрю. - Она предоставила мне то время, в котором я нуждался, и я сделал ход, который должен был сделать.

- Какой еще ход? - спросила Ли-Хсинг с явным беспокойством.

- Я не мог рассказать о нем тебе или людям из "Фейнголд и Чарни". Я был уверен, что меня остановят. Послушай, если весь спор развернулся вокруг мозга, то разве самая большая разница не заключена в бессмертии? Кого всерьез волнует, как мозг выглядит, как устроен или как он сформировался? Главное в том, что клетки мозга умирают; должны умирать. Даже если любой другой орган вживлен или заменен, клетки мозга, которые не могут быть заменены в точности такими же, и, следовательно, не могут не убить при замене саму личность, должны иногда умирать.

Мои позитронные схемы проработали почти два столетия без ощутимых изменений, и способны проработать еще века. Разве фундаментальный барьер не в этом? Люди могут терпеть рядом с собой бессмертного робота, потому что им все равно, сколько лет просуществует машина. Но они не потерпят бессмертного человека, поскольку их смертность переносима лишь до тех пор, пока она касается всех. И поэтому они не признают меня человеком.

- К чему ты все это говоришь, Эндрю? - спросила Ли-Хсинг.

- Этой проблемы больше нет. Десятилетия назад мой позитронный мозг был соединен с органическими нервами. Теперь же последняя операция

изменила эти связи так, что потенциал моего мозга медленно - очень медленно - начал снижаться.

Поначалу выражение морщинистого лица Ли-Хсинг не изменилось. Потом ее губы сжались.

- Ты хочешь сказать, что теперь умрешь, Эндрю? Но ты не можешь. Это нарушение третьего закона.

- Нет, - возразил Эндрю. - Я выбирал между смертью моего тела и смертью моих стремлений и желаний. Позволить моему телу жить за счет более большой смерти - вот что нарушило бы третий закон.

Ли-Хсинг схватила его за руку, словно собираясь встряхнуть ее. Она остановилась.

- Эндрю, все равно из этого ничего не выйдет. Переделай себя обратно.

- Нельзя. Нанесены слишком большие повреждения. Мне осталось прожить год - или около того. Я дотяну до двухсотлетия своего создания. Я оказался достаточно слаб, чтобы это устроить.

- Но не такой же ценой! Эндрю, ты дурак.

- Если меня признают человеком, то я сделал это не зря. Если же нет, то смерть положит конец моим усилиям, а это тоже чего-то стоит.

И Ли-Хсинг сделала то, чему удивилась сама - она тихо заплакала.

22

Странно было, в какой степени его последний поступок привлек внимание всего мира. Все, что он сделал до сих пор, не поколебало его. Но в конце концов Эндрю согласился даже на смерть, чтобы стать человеком, и жертва оказалась слишком велика, чтобы ее оказалось возможной отвергнуть.

Последняя церемония была, вполне умышленно, приурочена к двухсотлетию юбилею. Президент мира должен был подписать акт и сделать его законом, а церемонию собирались показать по глобальному телевидению и транслировать для штата Луна и даже для марсианской колонии.

Эндрю сидел в передвижном кресле. Он еще мог ходить, но с большим трудом.

Перед лицом всего человечества президент мира произнес:

- Пятьдесят лет назад мы объявили тебя стопятидесятилетним роботом, Эндрю. - Он сделал паузу и еще более торжественно объявил: - Сегодня мы провозглашаем вас двухсотлетним человеком, Эндрю Мартин!

И Эндрю, улыбаясь, протянул руку и пожал руку президента.

Эндрю лежал в постели, и мысли его медленно тускнели.

Он отчаянно цеплялся за них. Человек! Он стал человеком! Он хотел, чтобы это была его последняя мысль. С нею ему хотелось раствориться, умереть.

Он еще раз открыл глаза и в последний раз увидел тревожно ожидающую Ли-Хсинг. Были и другие люди, но всего лишь как тени, неузнаваемые тени. Только Ли-Хсинг выделялась из уплотняющейся серой мглы. Медленно, по сантиметру, он протянул к ней руку, и очень смутно и слабо ощутил, как она взяла ее.

Она расплывалась перед его глазами вместе с последними ускользающими мыслями.

Но прежде, чем она исчезла окончательно, к нему пришла последняя мимолетная мысль и задержалась на мгновение перед тем, как все остановилось.

- Маленькая Мисс, - прошептал он, так тихо, что никто его не расслышал.